

«Запад полностью утратил свою душу, а иранцы ищут свою» — Интервью с Аластером Круком (Часть III)

По словам бывшего сотрудника МИ-6, эта война может вызвать глобальный экономический кризис и период «созидательного разрушения», который приведет к появлению чего-то нового и позитивного.

Марко Фернандес

пнд 06 апр 2026

В третьей части своего эксклюзивного интервью изданию «Brasil de Fato» Аластер Крук — бывший агент МИ-6 и бывший советник ЕС по Западной Азии, а также основатель и директор базирующегося в Бейруте *Conflicts Forum* — делится своими размышлениями о сущности исламской революции и истории шиизма, выдвигая радикальную критику «постмодернистского нигилизма» Запада. Это

иллюстрируется высказыванием, которое Крук услышал во время своего первого визита в Иран много лет назад от одного священнослужителя, ставшим впоследствии аятоллой, который сказал ему, что «проблема, которая у нас есть с Западом, заключается не в идеологии, а в их способе мышления — и их способ мышления наносит вред всему миру в целом».

Несмотря на то что многие ведущие деятели Исламской революции исходили из глубокой критики Запада, они были склонны принимать каноны современной западной мысли, а также ее самокритику с марксистским уклоном — воплощением которой стали такие движения, как Франкфуртская школа — при этом опираясь на классиков исламской и шиитской философии. Как отмечает Крук, это отражало то, на чем настаивал сам имам Хомейни: «что необходимо изучать западную философию наряду с исламской».

Наш собеседник выражает обеспокоенность возможным применением ядерного оружия сионистским режимом в Израиле как крайней меры, утверждая, что «мы должны понимать Израиль не через призму светского рационализма, а в эсхатологическом ключе». Это означает, что сценарий «тотальной войны» с серьёзными региональными и даже глобальными последствиями может быть чем-то, к чему активно стремятся некоторые лидеры как в Тель-Авиве, так и в Вашингтоне, которые «называют войну с Ираном священной войной» — формулировка, которая, как отмечает Крук, «пришла от евангелистов». Тем не менее Крук также рассматривает этот конфликт как возможность для «созидательного разрушения», из которого может возникнуть новый мир: «Я думаю, что Иран запустил этот процесс, потому что мы, вероятно, вступим в экономический кризис такого масштаба, к которому Запад не готов. Но это часть катарсиса».

Читайте заключительную часть интервью Аластера Крука для Brasil de Fato (первую часть можно прочитать [здесь](#), а вторую — [здесь](#)):

Современные иранские лидеры — такие как Али Лариджани, специалист по [Иммануилу] Канту [немецкому философу XVIII века], и министр иностранных дел Аббас Арагчи, защитивший докторскую диссертацию под руководством известного марксистского ученого Дэвида Маклеллана, — обладают интеллектуальной глубиной, которую сегодня редко встретишь среди западных лидеров. Считаете ли Вы, что это владение западной философией дает Ирану своего рода когнитивное преимущество, наделяя его лидеров тем, что немцы называли бы более широким Weltanschauung [мировоззрением], и позволяя им деконструировать либеральные нарративы Вашингтона с помощью тех самых логических инструментов, которые Запад сам же и создал?

Да, верно. И, кстати, вы упомянули Али Лариджани и его специализацию, его экспертизу в области Канта, западного философа. Однако он также был экспертом по Сухраварди [персидский философ (1154–1191), основатель **философии просветления**, фундаментальной опоры исламской и шиитской философии, стремящейся к балансу между рационалистической логикой и мистической интуицией]. Поэтому необходимо понимать установленный баланс. И он может подробно обсуждать сложные вопросы, о которых писал Сухраварди перед своей мученической смертью, как я полагаю, в 1190 году [Сухраварди был казнен в Алеппо за свои идеи, которые в то время считались еретическими]. Это один из компонентов Ирфана [гностического или мистического знания, которое стремится к пониманию «слоев сознания» и духовного мира]. Нет точного слова, чтобы описать это, но это также своего рода форма шиитского суфизма. Это отход от рационального и материального мира, чтобы понять, что существуют разные слои сознания. И Сухраварди, как я полагаю, говорил о десятом слое сознания и о том, как его описывать. Это не исключительно иранское явление, поскольку это была древняя религия. Оно также присутствует в Египте, в мысли герметических текстов — или, по крайней мере, частично упоминается — в текстах, которые были обнаружены в конце 1400-х годов правителем Флоренции [Козимо де Медичи] и переведены Марсилио Фичино. Итак, это было то, на чем настаивал имам Хомейни: что необходимо изучать западную философию наряду с исламской философией. И, конечно, это дает понимание западной мысли. И я помню, когда впервые посетил Иран, я поехал в Кум и поговорил с одним человеком, я думаю, сейчас он аятолла. И он сказал мне, что проблема, которая у них есть с Западом, — это не идеология, а их образ мышления. И их образ мышления наносит огромный вред всему миру. Он объяснил это очень подробно. И, конечно же, в ходе наших бесед это оказало на меня огромное влияние; я считаю такое описание проблемы очень интересным.

Этот диалог описан в начале вашей книги «Соппротивление: сущность исламской революции», не так ли?

Да, в введении было упоминание об этой беседе. Итак, как Запад выходит из своего постмодернистского нигилизма? Или как мир выходит за пределы своего чрезмерного, рационалистического, материалистического и гедонистического образа жизни? Что ж, когда вы едете в Иран, это и есть реальность, и так было всегда. Но это также выражается в способности выйти за пределы такого образа мышления, за пределы очень негативного нигилистического сознания, чтобы достичь иных, более высоких уровней понимания, совместимых с уровнем собственного сознания. Как этого достичь? Очевидно, что для достижения этого уровня требуется время и обучение. Эта концепция также была древней, именно поэтому Иран имеет особую связь с досократическим миром, существовавшим ранее и оказавшимся в тени трудов Аристотеля и Платона. И вот возникают такие

любопытные вещи, как тот факт, что одним из главных влияний на имама Хомейни, наряду с такими фигурами, как мулла Садр, Ибн Сина и Ибн Араби, был Плотин, неисламский мыслитель. Плотин всегда опирался на более ранние формы мысли и размышлений.

Я думаю, что у Ирана действительно есть необходимые инструменты, и он размышляет о следующем этапе. Там понимают, что нужно найти способ перенести революцию в эпоху технологий — TikTok и всего остального. Как адаптировать её и заново осмыслить для сегодняшнего дня и современной молодёжи? Когда я был в Тегеране, это было очень интересно. Я спросил некоторых своих собеседников: как сделать идеи справедливости Иранской революции применимыми сегодня? Как перенести их в настоящее? И они ответили: «Что ж, у нас есть планы на этот счёт. Мы об этом думаем». Так что, на мой взгляд, это начало неких изменений. Речь идёт о том, как привнести новое мышление в систему, утратившую свою жизненную силу. Западная система полностью утратила — даже не знаю, какое слово лучше подобрать — но она потеряла свою «душу». А иранцы ищут, и в определённой степени то же самое происходит в России.

И в Китае тоже, я бы сказал. Я жил в Китае пять с половиной лет, прежде чем переехать в Москву. И после почти пяти десятилетий реформ и политики открытости, а также глубокой связи с Западом, китайцы занимаются самокритикой своей вестернизации, заново открывают свои глубокие культурные корни, говорят о «цивилизационном государстве», а молодёжь с удовольствием носит одежду, вдохновлённую модой тысячелетней и даже двухтысячелетней давности, в то время как партия под руководством Си Цзиньпина вновь утверждает марксизм в качестве своей теоретической основы. Тем временем в России мы видим самокритику её постсоветской вестернизации, возрождение так называемых «традиционных ценностей» и попытку синтезировать её имперское историческое наследие — охватывающее более тысячи лет — с достижениями советской плановой экономики. Таким образом, три опоры современного антиимпериалистического фронта — «кошмар» Бжезинского — по-видимому, проходят схожие процессы: критику (и самокритику) вестернизации мира и возвращение к своим многовековым традициям в поисках нового синтеза.

Меня это поразило, потому что мы также говорим о влиянии даосизма. И когда я в последний раз был в России, я посетил кинорынок. Там присутствовали несколько китайских продюсерских компаний, представлявших свои фильмы на религиозные темы, причём не все они были о конфуцианстве — многие касались именно

даосизма. И в каком-то смысле иранцы, похоже, чувствовали, что даосизм может внести свой вклад. Я не хочу преувеличивать: не все, конечно, читают эти классические тексты.

А в России один наш знакомый работает над тем, как сделать буддизм частью российской идентичности. Не подавляя его и не превращая в некий искусственный «руссизм», а позволяя ему оживить само представление о том, что значит быть русским. И это показалось мне очень интересным — это большой проект.

Так что эти процессы идут. Мы их не видим, потому что они не проявляются через привычные платформы и подобные каналы. Но они происходят. И я настроен очень уверенно. Я всегда говорил, что то, через что мы сейчас проходим, — это процесс катарсиса. Мы должны стать свидетелями своего рода созидательного разрушения нигилистического, постмодернистского мира Айн Рэнд [писательницы и философа русского происхождения, натурализованной американки, чьи идеи оказали глубокое влияние на западную консервативную и либертарианскую мысль] и её представлений о том, что высшее качество человека — это эгоизм.

Чтобы это преодолеть, необходимо обладать способностью подняться на новую ступень сознания. Как достичь этого для общества в целом — действительно очень сложный вопрос. Вы задали мне самый трудный вопрос. Ведь, например, Имам смог добиться этого, обращаясь к [битве при] Кербеле [680 год, на территории современного Ирака — основополагающее событие шиитской идентичности, в ходе которого Имам Хусейн, внук пророка Мухаммеда, был убит в конфликте о наследовании пророка] и к Махди [в шиитской традиции — «скрытый имам», который вернётся, чтобы установить окончательную справедливость на Земле], и таким образом сумел поднять уровень сознания. Он настаивал на том, что у людей должен быть активный ум. И этого, безусловно, нет на Западе. Именно поэтому он подчёркивал важность философии и, по крайней мере, совместного движения вперёд — того, чего вы не найдёте на Западе. Я думаю, что из этого что-то возникнет. И это необходимо, потому что, как я уже сказал, мы переживаем катарсис. Нам нужно пройти через созидательное разрушение, прежде чем мы сможем перейти к созидательному и позитивному пути. Это будет болезненно. Я думаю, что Иран запустил этот процесс, потому что мы, вероятно, вступим в экономический кризис такого масштаба, к которому Запад не готов. Но это часть катарсиса. Мы пока не видим «зелёных ростков», но они, безусловно, где-то есть. И, возможно, это даже к лучшему: если бы они были заметны, кто-нибудь сразу же пришёл бы и растоптал их. На этом этапе нужно подождать, пока они не окрепнут.

Может ли это быть рассветом новой эпохи?

Да, мы находимся в новой эпохе. Это очень опасный год. И всё может пойти очень неправильно.

Я имею в виду, что Израиль ведёт опасную игру на нервах вокруг ядерных объектов. И кто знает, если они проиграют эту войну серьёзно, на что они пойдут? Потому что вся израильская риторика уже сместилась к следующему: «мы не добьёмся смены режима». Я давал интервью в пятницу и сказал, что израильтяне фактически говорят американцам: «Послушайте, Соединённые Штаты должны взять на себя лидерство и установить контроль над проливами. А если вы этого не сделаете, у нас не останется выбора, кроме как применить тактическое ядерное оружие». То есть, как я считаю, именно такой сигнал они передают США — косвенно, через эти атаки. И речь идёт, среди прочего, о Бушере — ядерной станции, созданной совместно с Россией. Насколько я понимаю, в текущих условиях Россия уже вывела оттуда почти весь свой персонал, оставив лишь небольшую часть [для поддержания работы станции]. Это совместный проект с Россией, находящийся под полным контролем МАГАТЭ [Международного агентства по атомной энергии]. По сути, единственная причина, по которой МАГАТЭ допускается в Иран, связана с позицией России и её собственными интересами — в России хотят, чтобы Бушер находился под наблюдением агентства. Ранее же присутствие МАГАТЭ в Иране не приветствовалось. Но Бушер — это полностью соответствующий нормам объект, реализуемый совместно с Россией. И уже были две атаки: одна — почти попадание, и другая — крайне опасная. Это действительно пугает.

Вы хотите сказать, что израильтяне теперь говорят о применении ядерного оружия, а США едва не нанесли удар по атомной электростанции, где находятся российские специалисты? Разве они не играют с огнём, рискуя открыть своего рода ящик Пандоры — ядерную войну — для всего человечества?

Мы должны понимать Израиль не через призму светского рационализма. Мы должны понимать его в эсхатологическом ключе. Бессмысленно говорить: «То, что говорит Итамар Бен-Гвир [министр национальной безопасности Израиля, ультраправый политик, известный своими крайне расистскими и антипалестинскими взглядами], не имеет смысла; война ему невыгодна». Нужно понимать, что если рассматривать это через призму талмудической теологии, а также ещё глубже — через мессианский компонент иудаизма, становится ясно: они хотят Армагеддона [войны огромных масштабов, которая ускорит «конец времён», возвращение Мессии и господство Израиля над миром] как части своего плана. Мы также должны понимать, что эсхатологический элемент присутствует и в США. Мы видим это очень ясно: Соединённые Штаты называют войну с Ираном «священной

войной». Этот подход пришёл от евангелистов и основан на понимании мессианского компонента религий. А этот мессианский компонент чрезвычайно мощен.

Наконец, не могли бы вы кратко рассказать о вашей дипломатической и политической карьере, а также о вашей важной работе в Западной Азии?

Я был сотрудником дипломатической службы и был направлен в Европейский союз для работы с Верховным представителем Соланой. Я координировал пять попыток установления прекращения огня (все из которых не увенчались успехом) между силами Исламского сопротивления (ХАМАС и Исламский Джихад), Танзимом ФАТХ и Израилем — включая осаду Храма Рождества в Вифлееме.

Я также участвовал в работе по стимулированию участия ХАМАС в выборах, которые они в итоге выиграли в 2006 году. Затем меня направили в правительство США для работы в комиссии сенатора [Джорджа] Митчелла по расследованию второго прекращения огня. Моя работа начиналась в Северной Ирландии, а позже, в Афганистане, я отвечал за связь с руководством моджахедов от имени США и Великобритании, поскольку американцам фактически не было разрешено напрямую встречаться с ними. *Conflict Forum* был основан в 2004 году. Это некоммерческая организация, сосредоточенная на Западной Азии. По сути, она обеспечивает критически важные каналы коммуникации, позволяя нам слушать и помогать людям понять, что на самом деле говорилось и что это может означать.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Интервью Крук, Аластер Иран